

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 5/2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 25.10.2021.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 4096-21/18101

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2021

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Музычук В.Ю.**
Общественные организации в сфере культуры России: потенциал
самоорганизации... 7
- Козлова С.В., Братченко С.А., Свирина Л.Н., Грибанова О.М.**
Эффективность и качество управления государственным
имуществом в контексте национальных целей... 31
- Одинцова А.В.**
Городские агломерации: объективные основы формирования
и проблемы институционализации в России... 57
- Жаринов И.О.**
Особенности внутрифирменных и межфирменных управленческих
отношений на фабриках Индустрии 4.0... 80
- Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.**
Резильентность экономических систем в эпоху глобализации
и внезапных шоков... 93

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Лобанов М.М., Звезданович Лобанова Е.**
Остановка по требованию: экономика стран Центрально-Восточной
и Юго-Восточной Европы в условиях пандемии... 116
- Алиева А.А.к.**
Особенности въездного и выездного туризма в Азербайджане... 142

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

- Колотуша А.В.**
Поиск детерминант рациона питания как основы здоровья людей:
образовательный аспект... 160

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В.**
Социальный императив Е.И. Капустина и современность
(к столетию со дня рождения)... 188

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Muzychuk V.Yu.

Russian Third Sector Organizations in the Arts and Culture: Potential for Self-Organization..... 7

Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M.

Efficiency and Quality of Management of State Property in the Context of National Goals 31

Odintsova A.V.

Urban Agglomerations: Objective Bases for the Formation and Problems of Institutionalization in Russia 57

Zharinov I.O.

Specificities of Intra- and Inter-Company Management Relations in Industry Factories 4.0. 80

Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.

Resilience of Economic Systems in the Age of Globalization and Sudden Shocks..... 93

WORLD ECONOMY

Lobanov M.M., Zvezdanović Lobanova J.

Request stop: Economies of Central-Eastern and South-Eastern European Countries during the Pandemic 116

Aliyeva A.A.q.

Specificities of Inbound and Outgoing Tourism in Azerbaijan..... 142

DEMOGRAPHY ISSUES

Kolotusha A.V.

Search for Diet Determinants as a Basis of Human Health: Educational Aspect..... 160

SCIENTIFIC LIFE

Voeykov M.I., Sobolev E.N., Anisimova G.V.

Social Imperative of E.I. Kapustin and Modernity (to the Centenary of Birth). 188

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА**М.М. ЛОБАНОВ**кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований,
заместитель директора по научной работе ФГБУН Институт экономики РАН,
доцент Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова**Е. ЗВЕЗДАНОВИЧ ЛОБАНОВА**PhD, научный сотрудник
Института общественных наук (г. Белград, Республика Сербия)**ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ:
ЭКОНОМИКА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

В статье рассматриваются особенности влияния пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Авторами проводится сравнение основных каналов распространения кризиса, его глубины и длительности для вторичного и третичного секторов экономики стран региона с различным уровнем вовлеченности в мирохозяйственные отношения, конкурентоспособности предприятий и зрелости рынков труда. В рамках анализа реализуемых антикризисных мер дается оценка дополнительной нагрузки на государственные финансы, которая частично нивелируется внешними заимствованиями, а в ряде стран – поступлениями из бюджетной системы и фондов Евросоюза. Кроме того, авторами сделан акцент на определении степени внутрирегиональной дифференциации по поквартальным и помесечным показателям динамики ВВП и занятости, оборота в промышленности и сфере услуг, валового накопления основного капитала, доходов, сбережений и расходов населения.

Ключевые слова: Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа, Европейский союз, COVID-19, макроэкономические показатели, промышленность, сфера услуг, дестабилизация, антикризисные меры, экономическая политика.

JEL: O11, O52, O57, F43, H5.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_116_141.

Введение

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным явлением в новейшей истории мирового хозяйства, вызвав самый глубокий с середины XX в. спад в экономической деятельности большинства стран, которые были вынуждены следовать мерам по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. Данный кризис отличают не только высокая степень сокращения хозяйственной активности, широкий территориальный охват и лежащие вне экономической плоскости первопричины, но и разнообразие траекторий восстановления стран и регионов, обусловленное структурной неоднородностью.

В данной работе мы представим результаты исследования реакции экономик стран Центрально-Восточной (ЦВЕ) и Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) на стремительное распространение коронавирусной инфекции и вызванные этим ограничительные меры, а также обозначим общие черты и различия в разработанных государствами региона антикризисных мерах. Противодействие кризису было осложнено, в числе прочего, многообразием факторов, оказавших влияние на функционирование предприятий, – одни из них были закрыты вследствие локдауна или столкнулись с ухудшением условий хозяйствования, вызванных ограничением мобильности населения, тогда как другие сократили объемы производства из-за перебоев с поставками импортных комплектующих и материалов.

Перечни антикризисных мер, утвержденные правительствами стран ЦВЕ и ЮВЕ, разрабатывались с учетом рекомендаций Евросоюза и в связи с этим весьма схожи. Вместе с тем существуют различия как в принципах распределения финансовой помощи и отбора потенциальных бенефициаров, так и в относительном уровне непредвиденных расходов и недополученных доходов государственных бюджетов. Важным фактором посткризисного восстановления в восточноевропейских странах – членах Евросоюза будет являться предоставление помощи в рамках Многолетнего финансового плана и программ фонда «Будущее поколение ЕС». При проведении анализа антикризисных мер мы выделим основные инструменты поддержки нефинансовых компаний, которыми могли воспользоваться предприятия промышленности и ряда отраслей сферы услуг, и сопоставим дополнительную нагрузку на бюджет в разных странах ЦВЕ и ЮВЕ. Отдельного внимания заслуживает проблема возросшей бюджетной несбалансированности, а также и механизмы ее решения, в том числе за счет увеличения объема государственного долга. В данной статье мы сравним сложившуюся ситуацию с государственными финансами в странах региона и в других европейских государствах.

Вторая часть работы посвящена анализу влияния пандемии COVID-19 на некоторые макроэкономические показатели за 2020–2021 гг. (а также за 2010-е годы – с целью сопоставления), в т. ч. экономический рост, уровень доходов, сбережений и расходов населения, валовое накопление основного капитала. Промышленность и сфера услуг государств региона в различной степени были затронуты последствиями распространения коронавирусной инфекции, что будет показано в статье. Мы подробно остановимся на тенденциях развития рынков труда стран ЦВЕ и ЮВЕ, в частности, на вынужденных изменениях в организации деятельности сервисных и производственных компаний, и определим степень внутрорегиональных различий в динамике безработицы и занятости.

Антикризисные меры для поддержания хозяйственной деятельности

Масштабные ограничения, введенные правительствами стран ЦВЕ и ЮВЕ с целью снижения заболеваемости населения новой коронавирусной инфекцией, существенно повлияли на показатели деятельности предприятий в большинстве сфер экономики. Под угрозой серьезной финансовой дестабилизации или даже закрытия оказались в первую очередь компании «контактных отраслей» третичного сектора, однако и заметная часть промышленных фирм была вынуждена внести коррективы в организацию рабочего процесса. В частности, в связи с локдауном была временно приостановлена деятельность предприятий трудоемких отраслей с низким уровнем автоматизации производства. Впрочем, гораздо большее влияние на динамику промышленного выпуска в регионе оказал дефицит комплектующих и материалов, возникший в связи с разрывом трансграничных производственных цепочек.

Меры по сдерживанию распространения COVID-19 впервые были применены в странах региона в марте 2020 г., а в летние месяцы были ослаблены благодаря улучшению эпидемиологической ситуации. Во время «второй» и «третьей» волн заболеваемости осенью 2020 г. и весной 2021 г. большинство государств ЦВЕ и ЮВЕ вернулось к режиму ограничений, но по сравнению с первым локдауном он оказался более щадящим. Стремительное развитие событий и растущая неопределенность крайне негативно сказались на хозяйственной деятельности в марте–апреле 2020 г. Страны региона спешно разрабатывали и внедряли пакеты мер поддержки наиболее пострадавших от коронакризиса слоев населения и сфер экономики: как правило, помощь была рассчитана на период с марта–апреля по декабрь 2020 г., но некоторые меры были отменены ранее. Действие наиболее эффективных

программ поддержки населения и бизнеса пролонгировано до конца 2021 г. По аналогии с тремя «волнами» распространения коронавирусной инфекции в государствах региона можно дифференцировать и три «волны» применения антикризисных мер.

Отметим, что перечни мер от страны к стране различаются незначительно, а ключевые направления бюджетных ассигнований или изменения принципов налогообложения во многом схожи. Очевидно, что это связано в том числе с возможностью использовать подходы к антикризисной политике, разработанные в других странах Евросоюза, где пандемия началась раньше. Кроме того, финансирование ряда программ экономического развития из фондов ЕС была бы невозможной без учета рекомендаций и предварительных консультаций с Брюсселем, что также повлияло на унификацию мер противодействия кризису.

Перечень мер социальной направленности был также весьма широк и характеризовался большей вариативностью по сравнению с общеэкономическими мерами: в ряде стран осуществлялись единовременные или регулярные выплаты пособий (детских, по безработице, пенсионерам) и субсидий самозанятым, росли капиталовложения в сферу здравоохранения и повышался уровень зарплат врачей, участвовавших в борьбе с пандемией, действовали программы сохранения занятости в общественных учреждениях (например, в детских садах). Государства региона с высокой долей рекреационных услуг в структуре экономики уделяли большое внимание поддержанию «на плаву» предприятий так называемой сферы HoReCa (акроним от первых букв слов «гостиницы», «рестораны» и «кейтеринг»), выручка которых заметно сократилась. В частности, осуществлялись прямые выплаты отельерам, фирмы туристической отрасли и сферы развлечений использовали государственные субсидии на зарплату, был утвержден механизм оформления туристических ваучеров, а в некоторых странах применялась отсрочка по уплате юрлицами социальных отчислений.

Антикризисные меры, как правило, можно систематизировать, используя два принципа: по их назначению (влияние на занятость, экономический рост, уровень налогообложения) и по источнику финансирования (связанные и не связанные с увеличением бюджетных расходов). Второй подход позволяет выделить меры, увеличивающие нагрузку на бюджет в результате непредвиденных расходов (льготные госкредиты, субсидии на зарплату и аренду помещений, капитализация госфондов), и прочие меры, как правило, представляющие условные обязательства или приводящие к недополучению доходов (гарантии по кредитам коммерческих банков, отсрочки по уплате налогов / налоговые каникулы). Роль этих двух групп в странах региона была примерно одинакова, с небольшим «перевесом» первой из них.

Таблица 1

**Прямые и косвенные меры поддержки нефинансовых компаний
в отдельных странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2020–2021 гг.**

	Болгария	Венгрия	Польша	Румыния	Сербия	Словакия	Словения	Хорватия	Чешская Республика
Совокупный объем выделяемых бюджетных средств (или недополученных доходов) к ВВП в 2020 г., %, в т. ч.:	2,5	7,0	11,5	4,0	8,3	4,3	13,6	5,0	20,0
гранты или денежные компенсации									
льготные кредиты госучреждений			4,4				1,8		
гарантии по кредитам коммерческих банков			3,2		1,2	1,1	4,7		
субсидии на зарплату	1,0		0,6		0,7	0,8	2,0		
субсидии на аренду помещений									
Налоговые меры	отсрочки по уплате налогов и социальных отчислений	0,5			2,7	0,5	0,9		
	снижение ставки НДС	0,3							
	освобождение от уплаты НДС при импорте медицинских товаров								

Источник: составлено авторами по [1; 3; 4; 12; 13; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 29; 30; 31].

Примечание: темный цвет ячейки обозначает наличие определенной меры государственной поддержки нефинансовых компаний. При отсутствии данных об объеме выделяемых бюджетных средств цифры в ячейке отсутствуют.

Систематизированные нами сведения по объему и типу помощи нефинансовым компаниям в девяти странах ЦВЕ и ЮВЕ представлены в табл. 1. Сопоставляя реализуемые национальными правительствами пакеты антикризисных мер, выделим основные инструменты поддержки нефинансовых компаний, которыми могли воспользоваться предприятия промышленности и ряда отраслей сферы услуг¹:

¹ Бенефициарами реализации антикризисных мер оказались в первую очередь сервисные компании. Так, в Польше к октябрю 2020 г. субсидиями на зарплату воспользовались почти 50% компаний обрабатывающей промышленности, 50% гостиниц и ресторанов и 30% предприятий торговли, тогда как налоговыми послаблениями – 30, 70 и 50% соответственно, а льготными кредитами – 15, 70 и 40% [24].

- гранты или денежные компенсации для поддержания финансовой устойчивости МСП и/или крупных компаний (как правило, при сокращении оборота более чем на 20 или 40%);
- льготные кредиты профильных госбанков или фондов развития МСП и/или крупным компаниям (в ряде случаев устанавливались условия по их списанию, например, сохранение текущей занятости в течение года);
- гарантии профильных госбанков по кредитам коммерческих банков для поддержания ликвидности МСП и, реже, крупных компаний (до 70–90% суммы кредита);
- субсидии на зарплату (в размере 40–80%) сотрудников пострадавших от кризиса фирм, в т. ч. временно приостановивших деятельность². Размер субсидий определяется, как правило, уровнем сокращения выручки или рабочего времени (в ряде случаев – относительным числом уволенных сотрудников). В некоторых странах также были предусмотрены субсидии на зарплату впервые трудоустроенных молодых людей;
- субсидии на аренду помещений фирмами, пострадавшими от кризиса;
- налоговые инструменты – отсрочки по уплате налога на прибыль, социальных отчислений, ряда муниципальных налогов; реструктуризация налоговой задолженности; снижение ставки НДС для некоторых отраслей; освобождение от уплаты НДС при импорте ряда медицинских товаров.

Отдельные страны применяли также специфические инструменты антикризисной политики, не получившие широкого распространения. Так, в Польше действует двухлетний запрет на приобретение иностранными фирмами акций отечественных компаний (более 20%), представляющих стратегические секторы экономики и испытывающих финансовые трудности.

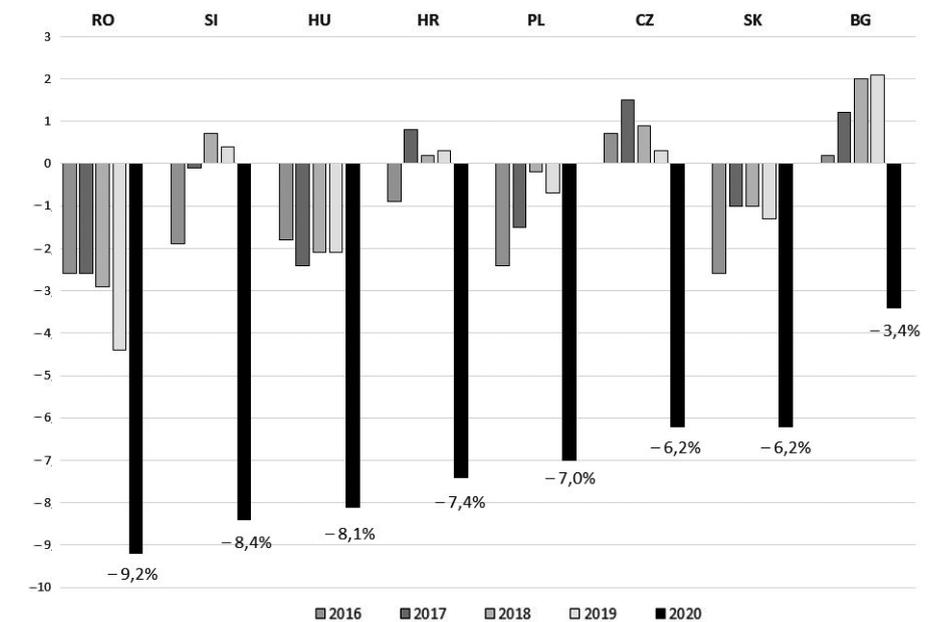
Обращает на себя внимание тот факт, что основными получателями помощи в ЦВЕ и ЮВЕ являлись малые фирмы и самозанятые, а о селективной поддержке крупных фирм страны – члены ЕС оповещали профильные ведомства Еврокомиссии. Большое значение имело обеспечение транспарентности программ поддержки бизнеса (например, в некоторых государствах в открытом доступе размещались данные о крупнейших получателях средств) и противодействие злоупотреблениям и мошенническим схемам (исключение из списков фирм-бенефициаров, зарегистрированных с целью получения помощи).

² В ряде стран (например, в Словении) субсидии получали фирмы, перешедшие с целью сохранения занятости на режим сокращенного рабочего дня. Подобную схему активно использовали весной 2020 г. промышленные предприятия.

Промежуточные результаты проведения антикризисной политики в странах региона оказались разными. Согласно данным Всемирного банка, программами государственной поддержки в период «первой волны» распространения COVID-19 было охвачено 80% столкнувшихся со сжатием спроса компаний в Польше, 75% – в Хорватии, 70% – в Словении и Словакии, 65% – в Чешской Республике, 55% – в Румынии, 45% – в Албании и Северной Македонии, 40% – в Болгарии и 30% – в Венгрии [9]. Высокий уровень освоения средств для субсидий на зарплату в Словении позволил охватить ими четвертую часть рабочей силы, тогда как в Болгарии успехи оказались куда более скромными, поскольку за несколько первых месяцев пандемии было использовано лишь 1/5 выделенных на субсидии финансовых ресурсов. Программы по предоставлению гарантий на кредиты коммерческих банков в ряде стран ЮВЕ реализовывались медленными темпами в связи с бюрократическими проволочками. Среди основных факторов, ограничивавших эффективность предоставления государственной помощи бизнесу в первой половине 2020 г., следует упомянуть строгость критериев отбора (в ряде стран они были впоследствии пересмотрены), задержки в получении разрешительных документов ЕС на перераспределение средств, а также недостаточную информированность потенциальных бенефициаров.

Изменения в налогообложении и уровне бюджетных расходов с целью восстановления экономики в 2020 г. (так называемая дискреционная фискальная политика) для многих стран региона оказались весьма существенными. Согласно данным МВФ, затраты на ее проведение достигли в Чешской Республике 20% к ВВП, в Словении – 13,6%, в Польше – 11,5%, что сделало эти страны, наряду с Германией, Италией, Францией и Испанией, лидерами в ЕС по этому показателю (см. табл. 1) [16]. При этом четыре страны региона с наименьшими относительными расходами на фискальную политику «закрывают» общеевропейский список (Болгария – около 3% к ВВП, Румыния, Хорватия и Словакия – 4–5%); Венгрия также располагается ближе к его концу (7%). Однако если учитывать лишь прямые бюджетные расходы (без гарантий по кредитам и налоговых послаблений), то они составят 7% ВВП в Словении (лидирует среди стран ЕС вместе с Германией и Австрией), 6,5% в Польше, 5% в Хорватии, по 4% в Чешской Республике и Венгрии и всего лишь по 2% в Словакии, Болгарии и Румынии.

Непредвиденное увеличение государственных расходов на борьбу с последствиями локдауна привели к значительному увеличению *бюджетного дефицита*. К примеру, в Румынии он достиг рекордных 9,2% к ВВП, в Словении – 8,4%, в Венгрии – 8,1%, в Хорватии – 7,4%, в Польше – 7,0% (см. рис. 1). Лишь в случае Болгарии можно утверждать об относительно благоприятном положении в сфере госфинансов

Примечание: здесь и далее: AT – Австрия, BG – Болгария, CZ – Чешская Республика, ES – Испания, EU – Европейский Союз, HR – Хорватия, HU – Венгрия, IT – Италия, PL – Польша, RO – Румыния, RU – Россия, SI – Словения, SK – Словакия, SR – Сербия.

Рис. 1. Сальдо государственного бюджета отдельных стран ЦВЕ и ЮВЕ в 2016–2020 гг. (% к ВВП).

Источник: составлено авторами по: [14].

в 2020 г. (3,4% к ВВП; третье место среди стран ЕС)³. При этом во второй половине 2010-х годов страны региона характеризовались высоким уровнем бюджетной сбалансированности: часть из них формировала бюджет с положительным сальдо (Болгария, Чешская Республика, Хорватия, Словения), тогда как в большинстве других отрицательное сальдо не превышало 1–2% ВВП. С целью финансирования дефицита госбюджета государства региона осуществляли внешние заимствования путем размещения ценных бумаг и использовали трансферты из фондов Евросоюза, а также обращались к специфическим источникам поступления средств – к примеру, в Венгрии были введены «кризисные налоги» на банки и крупнейшие торговые сети⁴.

³ Более высокие, чем в 2020 г., показатели отрицательного сальдо бюджета фиксировались в большинстве стран в 2010–2013 гг., в Венгрии – в 2006 г., Чешской Республике – в 2003 г., а в Румынии не были отмечены ни разу за тридцатилетний период демократического развития.

⁴ К примеру, Болгария выпустила еврооблигации на общую сумму 2,5 млрд евро (срок погашения – 10 и 30 лет), Сербия – 3 млрд евро (три транша, на 7, 10 и 12 лет), Словения – 2,25 млрд евро (10 и 60 лет).

Вследствие вынужденных заимствований в странах ЦВЕ и ЮВЕ заметно возрос уровень *государственного долга*, который, по прогнозам экспертов МВФ и Всемирного банка, начнет снижаться уже в 2021–2022 гг. (см. рис. 2). В большинстве стран региона, входящих в ЕС, объем госдолга в течение 2020 г. увеличился на 20–26%, лишь в Словении и Чешской Республике – на 17%. Для сравнения, в Евросоюзе в целом прирост объема госдолга составил 14%. Вместе с тем относительные показатели госдолга ни в одной из стран пока не превысили среднее значение по ЕС: наиболее высокий его уровень наблюдался в Хорватии – 88,7% ВВП в 4 квартале 2020 г., Словении – 80,8% и Венгрии – 80,4%, наименьший в Болгарии – 25% и Чешской Республике – 38,1%. Следует отметить, что достигнутый в 2020 г. уровень госдолга в большинстве стран региона фиксировался относительно недавно – в 2015–2017 гг.⁵

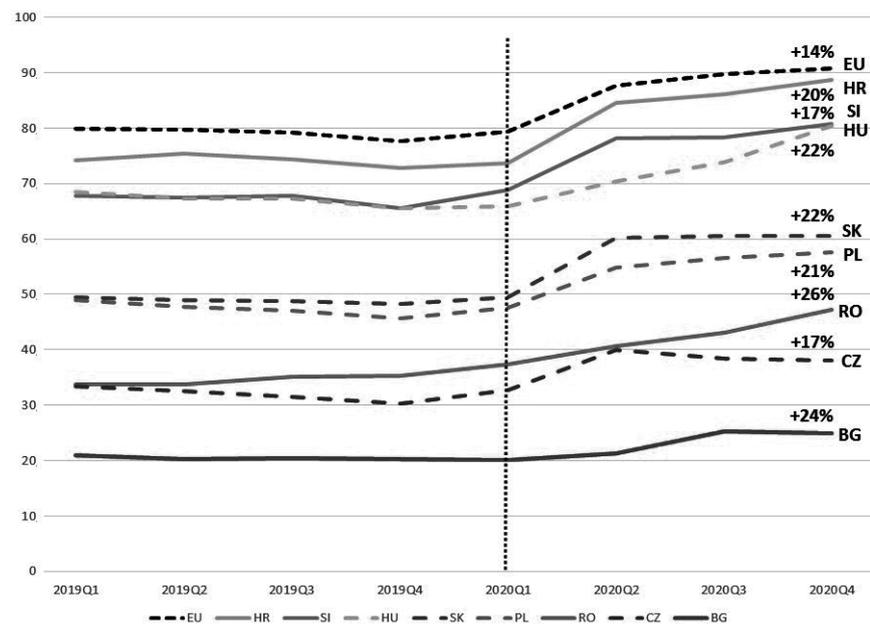

Рис. 2. Отношение объема государственного долга к ВВП в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2019–2020 гг. (%).

Источник: составлено авторами по: [14].

Финансирование антикризисных мер поддержки хозяйств в странах ЦВЕ и ЮВЕ, являющихся членами Евросоюза, во многом обеспечивается за счет *общеевропейского бюджета*. В наиболее сложный период

⁵ Исключением является Румыния, где максимальные значения квартальных показателей госдолга к ВВП с начала 1990-х годов не превышали 40% (в 4 квартале 2020 г. – 47,3%).

распространения COVID-19, весной 2020 г., были внедрены так называемые Три системы защиты рабочих, предприятий и государств – членов ЕС (three safety nets): распределение 540 млрд евро в форме займов фонда «Европейский стабилизационный механизм» (ESM); гарантии по кредитам юрлицам, выдаваемым Европейским инвестиционным банком; выплаты физлицам по программе снижения рисков безработицы (SURE). В июле 2020 г. Европейский совет учредил фонд «Будущее поколение ЕС» (Next Generation EU / NGEU), средства которого (750 млрд евро) будут использоваться в 2021–2023 гг. для восстановления экономик стран-членов. Кроме того, в рамках Многолетнего финансового плана ЕС (Multiannual Financial Framework / MFF) в 2021–2027 гг. на различные долгосрочные цели будет израсходовано около 1 трлн евро⁶ [11; 32].

Предполагается, что в течение трех лет из фонда NGEU странам – членам ЕС будет выделено 360 млрд евро кредитов и 390 млрд евро грантов. Основная его составляющая – Механизм восстановления и повышения устойчивости (Recovery and Resilience Facility / RRF), средства которого в размере 670 млрд евро пойдут на смягчение последствий пандемии, на поддержку инвестиций и реформ в условиях развития цифровизации и на противодействие климатическим изменениям⁷. Важно отметить, что «цифровая» и «климатическая» повестка непосредственным образом связана с промышленностью Евросоюза и будет определять направления ее трансформации в ближайшие годы. В рамках «Европейского зеленого курса» (The European Green Deal) поставлена амбициозная задача достичь углеродной нейтральности хозяйственной деятельности к 2050 г. Не менее 30% средств фонда NGEU и бюджета ЕС на 2021–2027 гг. будет израсходовано на реализацию политики «зеленого перехода» (green transition) и создание экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики)⁸.

⁶ В структуре расходов MFF – семилетнего бюджета Евросоюза – по 1/3 средств будет направлено на политику сплочения и борьбу с климатическими изменениями.

⁷ Оставшиеся 80 млрд евро будут распределены между другими частями фонда NGEU: антикризисным Фондом развития региональной сплоченности (ReactEU; 47,5 млрд евро) для финансирования сферы здравоохранения, реформ на рынке труда и инфраструктурных проектов, Фондом справедливого перехода (Just Transition Fund) для создания «климатически нейтральной» экономики к 2050 г. (climate-neutrality), Фондом развития сельских районов, научно-исследовательской программой «Горизонт Европа» (Horizon Europe), программами стимулирования частных инвестиций InvestEU и противодействия стихийным бедствиям RescEU.

⁸ В марте 2020 г. опубликовано коммюнике Еврокомиссии «Новая промышленная стратегия для Европы», в котором отмечается «центральная роль [промышленности] в будущем прогрессе» и определены три приоритета развития – поддержка глобальной конкурентоспособности промышленности ЕС, цифровизация и переход к «климатически нейтральной» экономике к 2050 г. [10].

В национальных Планах восстановления и повышения устойчивости (Recovery and Resilience Plans), которые страны – члены ЕС в большинстве своем подготовили в апреле–мае 2021 г. с целью обоснования будущих расходов, доля «климатической» компоненты должна превышать 37%, а «цифровой» – 21%. Страны могут вносить изменения в заявки (например, претендовать на займы) до середины 2022 г., а максимальный размер помощи, на который они могут рассчитывать, будет зависеть от показателей численности населения, от ВВП на душу населения и уровня безработицы [6]. Анализ национальных заявок на гранты показывает, что страны региона претендуют на 1/5 их совокупного объема, тогда как их вклад в суммарный ВВП Евросоюза едва превышает 10% (см. табл. 2). При этом возможность использования кредитов в рамках Механизма восстановления и повышения устойчивости рассматривают пока лишь Румыния, Польша и Словения. Уста-

Таблица 2

Финансирование программ социально-экономического развития стран ЦВЕ и ЮВЕ из средств ЕС в 2020–2027 гг.

	Механизм восстановления и повышения устойчивости (2021–2023 гг.)			Многолетний финансовый план ЕС на 2014–2020 и 2021–2027 гг.		
	национальная заявка на гранты		национальная заявка на кредиты, млрд евро	расходы бюджета ЕС в 2020 г.		чистые поступления из бюджета ЕС в 2021–2027 гг. (% к ВВП), оценка
	млрд евро	доля в общем объеме грантов, %		млрд евро	доля в объеме расходов бюджета ЕС, %	
Болгария	0*	–	0*	2,2	1,2	2,7
Венгрия	7,2	2,2	0	6,1	3,5	3,6
Польша	23,9	7,2	12,1	18,1	10,4	2,3
Румыния	14,3	4,3	15,0	7,0	4,0	1,4
Словакия	6,6	2,0	0	2,6	1,5	1,8
Словения	1,8	0,5	0,7	1,1	0,6	1,0
Хорватия	6,4	1,9	0	2,7	1,6	1,2
Чешская Республика	7,1	2,1	0	5,5	3,2	1,1
ЕС в целом	331,0	100	166,0	173,3	100	–

* По состоянию на середину июля 2021 г. Болгария не предоставила национальный План восстановления и повышения устойчивости.
Источник: рассчитано авторами по: [6; 11; 32].

новку Брюсселя на помощь наиболее нуждающимся странам-членам косвенно подтверждают данные об их удельном весе в расходах бюджета ЕС в 2020 г.: в Польше, Венгрии, Чешской Республике и Словении он выше, чем их доля в структуре распределения «антикризисных» средств, тогда как, например, в Румынии и Хорватии – ниже. Отметим в этой связи, что страны региона традиционно выступают нетто-реципиентами средств общеевропейского бюджета (см. табл. 2) [32]. Согласно оценкам, Польша и Венгрия – эти «enfant terrible» Евросоюза последних лет – будут являться лидерами по, соответственно, абсолютному и по относительному объему чистых поступлений в рамках нового семилетнего бюджетного цикла.

Примечательно, что страны ЦВЕ и ЮВЕ (вместе с Грецией) находятся в числе лидеров по относительному объему помощи, получаемой в рамках Механизма восстановления и повышения устойчивости. Так, объем грантов относительно ВВП в 2020 г. в Хорватии должен был достичь 13% (1 место в ЕС), в Болгарии – 10% (3 место), в Словакии – 7% (4 место), в Румынии – 6%, в Венгрии и Польше – 5%, в Словении – 4%, в Чешской Республике – 3% [8]. Отметим, что под вопросом остается порядок выделения бюджетных трансфертов и средств NGEU Польше и Венгрии, которым грозят санкции Евросоюза за нарушение «принципа верховенства закона»⁹. Анализ структуры расходов Механизма восстановления и повышения устойчивости в странах Вишеградской группы и Словении показывает, что около 50–70% объема грантов и кредитов будет использовано на финансирование «зеленого перехода» и «цифровой трансформации», а оставшаяся часть – на создание благоприятной бизнес-среды и конкурентного рынка труда, на НИОКР, развитие сфер здравоохранения, образования и транспорта [6].

Общэкономические последствия распространения коронавирусной инфекции

Страны ЦВЕ и ЮВЕ в большинстве своем характеризуются высоким уровнем вовлеченности в мирохозяйственные отношения, что повлияло на скорость распространения и глубину кризисных явлений 2020 г. По данным Всемирного банка, за шестидесятилетний период наблюдений не было зафиксировано такого значительного сокращения объема мирового ВВП, как в 2020 г., – на 3,6% (в 2009 г. – на 1,7%).

⁹ С 2020 г. Евросоюз вправе отказать в финансировании в случае несоблюдения какой-либо из стран принципа верховенства права или возникшей угрозы европейским демократическим ценностям. Данное решение направлено против Польши и Венгрии, в отношении которых из-за проведенных судебной и административной реформ еще в 2017 и 2018 гг. был запущен механизм применения санкций (в соответствии со статьей 7 Договора о Европейском союзе).

Развитые государства оказались в числе наиболее затронутых последствиями пандемии: экономика стран ОЭСР «просела» на рекордные 4,7%, Европейского союза – на 6,2% (для сравнения, в 2009 г. снижение составило 3,4 и 4,3% соответственно). Введение ограничений, связанных с COVID-19, не замедлило сказаться на динамике международной торговли, которая стала сокращаться уже в первые месяцы 2020 г., а во 2 кв. снизилась на 21% по сравнению со 2 кв. 2019 г. Восстановление мирового товарооборота началось только в июне–августе 2020 г. благодаря улучшению ситуации во внешнеэкономической сфере Китая.

Экономическую динамику в странах ЦВЕ и ЮВЕ определял ряд взаимосвязанных факторов. Реализация мер по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции весной 2020 г. привела к приостановке деятельности предприятий «контактных отраслей» (face-to-face jobs), в первую очередь относящихся к сфере услуг (бытовые услуги, торговля, развлечения и досуг, гостиницы и рестораны, туризм и пр.). Локдаун отрицательно сказался на уровне реальных доходов населения, что в сочетании с ограничением деятельности сервисных компаний привело к заметному сокращению уровня конечного потребления домохозяйств (см. рис. 3). Сжатие внутреннего спроса сопровождалось снижением уровня предложения на рынках стран региона, в том числе за счет перебоев с импортными поставками. Для промышленных предприятий новые реалии развития мировой торговли проявились в разрыве трансграничных производственных цепочек, что ограничило их экспортный потенциал и привело к дефициту импортных комплектующих, сырья и полуфабрикатов¹⁰. Многие из них были вынуждены приостановить производственный процесс или перевести сотрудников на сокращенный режим работы, причем наибольшие сложности возникли у малого и среднего бизнеса. Ситуация неопределенности усилила инвестиционные риски, в связи с чем ухудшилась динамика накопления капитала (см. рис. 3). Некоторые страны региона столкнулись с сокращением денежных переводов из-за рубежа и возвращением рабочей силы, что увеличило нагрузку на рынки труда.

Оценивая перспективы восстановления экономики в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2021 г., эксперты МВФ отмечают, что в большинстве из них системные риски развития банков и нефинансовых организаций (низкая ликвидность, высокий уровень задолженности и т. п.) невысоки, а реализация антикризисных мер должна ускорить процесс стабили-

¹⁰ К примеру, одна из системообразующих отраслей промышленности стран региона – автомобилестроение – существенно сократила объемы производства в период ограничения международных товарных поставок: конвейеры были остановлены вследствие дефицита полупроводниковых микросхем из Восточной Азии, главным образом из КНР (см. ниже).

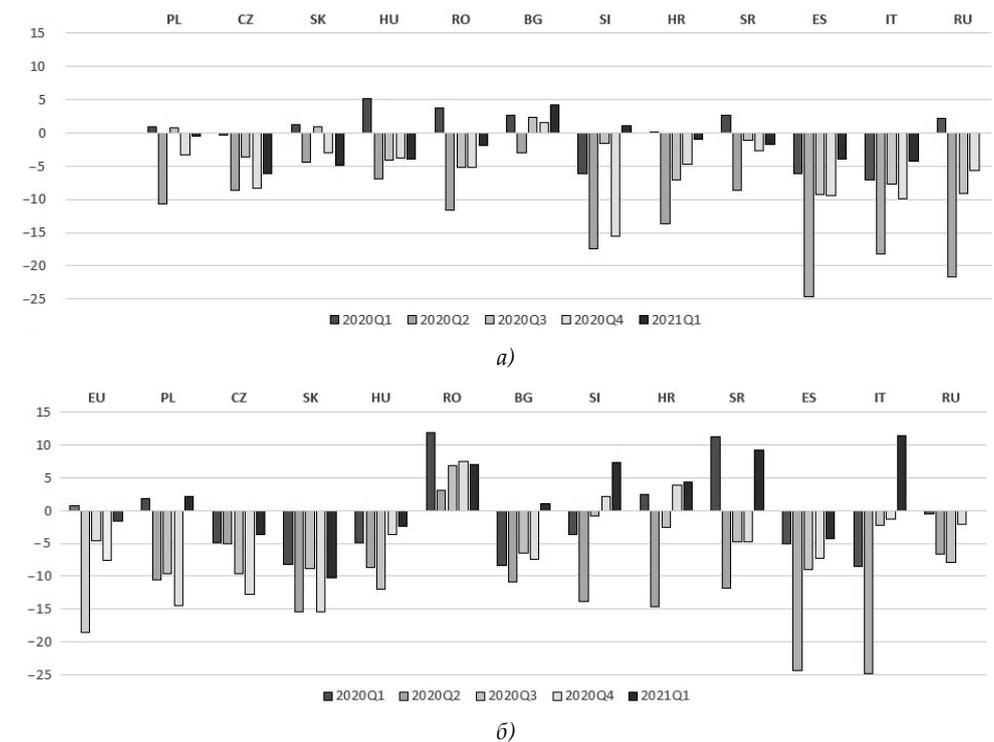

Рис. 3. Динамика расходов на конечное потребление домохозяйств и валового накопления основного капитала в отдельных странах ЕС и России в 2020 – I кв. 2021 г. (% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года): а) данные по расходам на конечное потребление домохозяйств; б) валовое накопление основного капитала.

Источники: составлено авторами по: [5; 14].

зации¹¹. Вместе с тем в ряде отраслей, ориентированных на внутренний рынок, не следует ожидать быстрого роста из-за умеренной динамики доходов населения (даже с учетом эффекта отложенных расходов из-за вынужденной экономии и повышения уровня сбережений в 2020 г.). Государственная поддержка спроса и накопления домохозяйств тем не менее считаются важнейшими факторами восстановительного роста в 2021 г., в особенности в странах с меньшей вовлеченностью в трансграничные операции. К примеру, Польша использовала возможность частичной переориентации промышленности для удовлетворения внутреннего спроса, а активная антикризисная политика позволила

¹¹ Своевременные и действенные решения руководства стран региона по поддержанию уровня ликвидности (подробнее см. ниже) позволили предотвратить «волну» банкротств, в частности, в странах Вишеградской группы и Словении. Так, число закрытых компаний в Словакии в 2020 г. было на уровне 2018–2019 гг. и в два раза меньше, чем в 2016–17 гг., % [21].

ей войти в число стран ЕС с наименьшим сокращением ВВП¹². Примечательно, что предположения о затяжном характере спада в государствах ЦВЕ и ЮВЕ с высоким уровнем внешнеэкономической открытости, не подтвердились: летом 2020 г. началось динамичное восстановление рынков их ключевых стран-партнеров.

Экономический спад в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2020 г. оказался менее значительным, чем во многих государствах Западной и Южной Европы: лишь в двух из них был превышен средний для ЕС показатель сокращения ВВП – в зависимых от туризма Черногории (15,2%) и Хорватии (8,4%). В большинстве стран региона падение ВВП варьировалось в пределах 4,0–5,5%, а наименьшие значения были зафиксированы в Сербии (1%), Польше (2,7%) и Албании (3,3%)¹³. Продолжительность кризиса также была различной: если в Чешской Республике был «повторен» общеевропейский сценарий – снижение ВВП в течение пяти кварталов подряд (с 1 кв. 2020 г. по 1 кв. 2021 г.), то в Сербии и Румынии – всего в течение трех кварталов (см. рис. 4). Во многих странах (Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия, Сербия, Черногория) происходило «запаздывание» в распространении кризисных явлений, и показатели ВВП ушли в отрицательную плоскость лишь со 2 кв. 2020 г., который стал рекордным по темпам хозяйствен-

ного спада. К примеру, в Черногории ВВП во 2 кв. 2020 г. сократился на 20,2% по сравнению со 2 кв. 2019 г. (для сравнения, в Испании – на 21,6%, Италии – на 18,1%). Внушительной оказалась глубина кризиса и в Хорватии (снижение на 14,6%), Венгрии (13,3%), Словении (13,1%) (см. рис. 4).

Важным фактором сокращения ВВП стран ЦВЕ и ЮВЕ в 2020 г. стало снижение *расходов на валовое накопление основного капитала*, темпы которого превышали темпы сокращения расходов на конечное потребление домохозяйств (см. рис. 3)¹⁴. Как правило, в структуре источников капиталовложений расширялась доля инвестиций за счет собственных средств предприятий. Восстановлению объемов привлеченных средств должны помочь дополнительные расходы госбюджета. Меры антикризисной политики в отношении населения также способствовали стабилизации ситуации с частным потреблением во второй половине 2020 г. Наиболее благоприятная ситуация с *расходами на конечное потребление домохозяйств* наблюдалась в Болгарии, Сербии, Словакии и Польше, наименее – в Словении (снижение во 2 кв. 2020 г. на 17,4%), Хорватии (на 13,7%) и Чешской Республике. Что касается накопления основного капитала, то медленнее всего восстановление происходит в государствах Вишеградской группы, где в отдельные кварталы спад достигал 10–15%. В то же время в Румынии в 2020 – начале 2021 гг. зафиксирована положительная динамика объема вложений в основные средства. Примечательна отраслевая специфика капиталовложений в 2020 г.: во многих странах произошел взрывной рост инвестиций в производство продукции медицинского назначения, тогда как наименьший интерес для инвесторов представляло машиностроение (в особенности выпуск транспортных средств и электротехники) и легкая промышленность, что снижает скорость восстановления этих отраслей.

Последствия применения мер по сдерживанию распространения COVID-19 в странах региона стали серьезным испытанием для *рынков труда*. Регулирующие органы определили перечни «контактных» отраслей, не являющихся стратегически важными для обеспечения национальной безопасности, и временно ограничили их деятельность. Отрасли вторичного сектора в их число не попали, но для производственных предприятий были разработаны строгие требования социального дистанцирования. Относительно высокая доля промышленности в экономике позволила таким образом некоторым странам ЦВЕ и ЮВЕ выйти

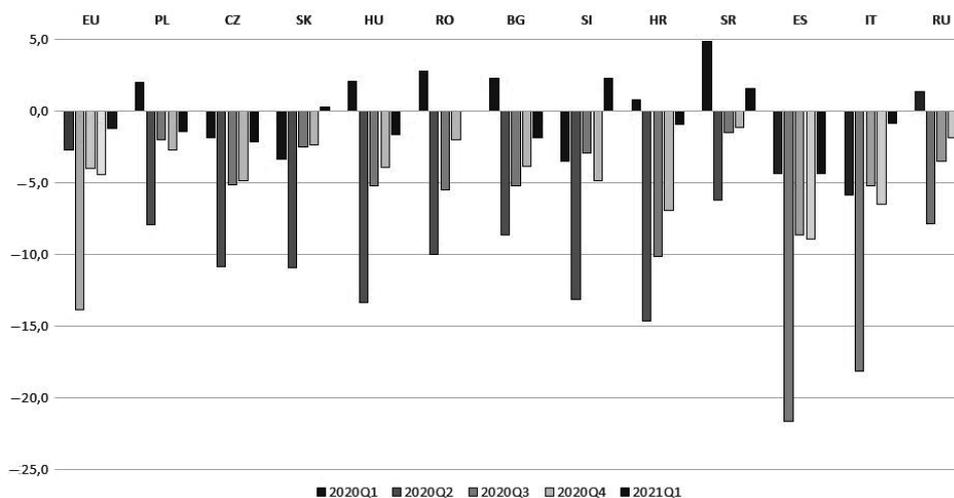

Рис. 4. Динамика ВВП отдельных стран ЕС и России в 2020 – I кв. 2021 гг. (% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года).

Источник: составлено авторами по: [5; 14].

¹² Успехи Польши в преодолении кризиса, вероятно, связаны и с другой причиной – самой низкой в ЕС долей «контактных» отраслей в экономике (около 2%). Для сравнения, в Болгарии и Румынии их удельный вес составляет 4%, а в Хорватии – 9%.

¹³ Для сравнения, ВВП России в 2020 г. сократился на 3%.

¹⁴ В отличие, к примеру, от России, где наблюдалась обратная ситуация: сокращение расходов на инвестиции во 2 кв. 2020 г. было меньшим, чем в 2009 и 2015 гг., тогда как частное потребление сжалось почти на 22% (рекордное падение за период 25-летних наблюдений) [2].

из периода локдауна с наименьшими проблемами для рынка труда¹⁵. При этом под ударом оказались наиболее уязвимые с точки зрения организации труда отрасли сферы услуг «контактного» типа (из-за распространенной практики временных договоров), характеризующиеся преобладающей долей малого бизнеса (до 20–25% – самозанятые), низкой квалификацией рабочей силы и невысокой оплатой труда. По оценкам, в закрытых из-за пандемии секторах до кризиса было трудоустроено 11,4% занятых в Хорватии, около 9% в Болгарии, Чешской Республике и Венгрии, а менее всего – в Румынии и Польше – 5–6% [15; 33].

Заметная доля предприятий сферы услуг и промышленности по разным причинам были вынуждены прибегнуть к увольнениям, временным отпускам или сокращенной продолжительности рабочего времени своих сотрудников. В некоторых странах возможность получения юристами помощи в рамках антикризисных мер была увязана с сохранением текущей занятости, что, очевидно, смягчало последствия локдауна (см. выше). Вследствие структурных особенностей экономики государств ЦВЕ и ЮВЕ существовали ограничения по организации удаленной работы на дому (telework): если в странах Северной Европы доля пригодных для этого отраслей достигает 60–70%, то, например, в Словении, Польше и Чешской Республике – 25–35%, Венгрии, Словакии и балканских странах – не более 10–20% [33].

Данные Eurostat по безработице свидетельствуют об умеренном влиянии ограничительных мер и неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры на ситуацию на рынке труда: показатели безработицы в Евросоюзе в 2020 г. хотя и вернулись к уровню 2017 г. (7,8%), но все же не достигли максимальных значений 2013 г. (11,5%). Динамика занятости в ЕС находится в отрицательной плоскости уже четыре квартала подряд (2 кв. 2020 – 1 кв. 2021 гг.). В одних странах ЦВЕ и ЮВЕ видны признаки стабилизации (например, в Венгрии, Словении, Румынии), тогда как в других существуют риски затяжного восстановления уровня занятости (со специализацией на туристических услугах – Хорватии, Черногории, Болгарии) (см. рис. 5). Следует отметить сложную ситуацию с динамикой занятости в Германии, Австрии, Италии и других европейских странах, выступающих основными реципиентами трудовых мигрантов из государств региона. Вынужденное перемещение рабочей силы из развитых стран ЕС в обратном направлении в 2020 г. усугубило проблемы на рынках труда в ЦВЕ и особенно в ЮВЕ.

¹⁵ Во многих странах ЕС такие отрасли промышленности, как производство продуктов питания, нефтепродуктов, медицинских товаров, были признаны стратегически важными и вынесены «за рамки» ограничительных мер. В свою очередь повышенные требования к безопасности во время первой волны пандемии применялись в отношении автомобилестроения, электроники и электротехники, дерево- и металлообработки, легкой промышленности.

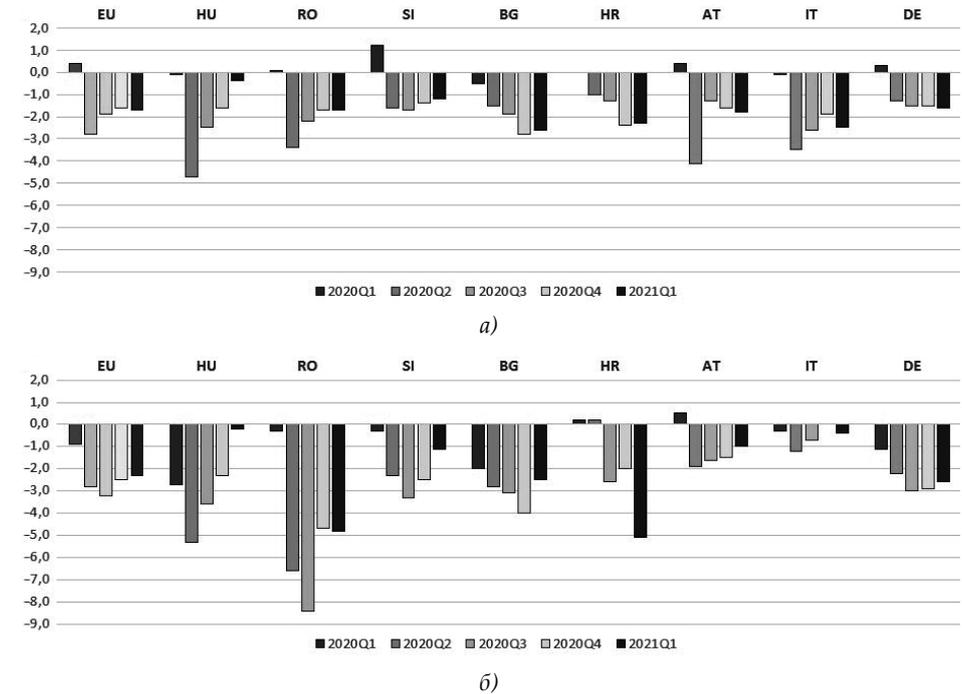

Рис. 5. Динамика занятости в экономике в целом и в промышленности отдельных стран ЕС в 2020 – I кв. 2021 гг. (% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года): а) данные по занятости в экономике; б) данные по занятости в промышленности.

Источник: составлено авторами по: [14].

Характерно, что занятость в экономике Евросоюза в целом снижалась в 2020 – начале 2021 гг. меньшими темпами, чем в промышленности (см. рис. 5). Не стали исключением и страны ЦВЕ и ЮВЕ: к примеру, квартальные показатели сокращения занятости в промышленности Румынии достигали 7–8,5% (против 2–3% для экономики в целом), Болгарии – 3–4% (против 2–3%), Словении – 3% (против 1–1,5%). Таким образом, перед кризисом 2020 г. оказались наиболее уязвимы именно промышленные предприятия, сокращение занятости на которых было связано не столько с режимом локдауна, сколько с общехозяйственной дестабилизацией и ослаблением трансграничной активности.

Специфичность кризисных явлений 2020 г. на национальных рынках труда хорошо иллюстрирует динамика фактического количества отработанных часов, позволяющая судить об уровне снижения хозяйственной активности предприятий. Согласно имеющимся данным, пандемия коронавируса оказала на нее гораздо большее влияние (впрочем, кратковременное), чем глобальный финансовый кризис конца 2000-х годов [35]. Число отработанных часов в странах Евросо-

юза во 2 кв. 2020 г. сократилось на 16% по сравнению с 4 кв. 2019 г. (см. рис. 6). В большинстве государств ЦВЕ и ЮВЕ уровень спада хозяйственной активности был несколько меньшим: в Чешской Республике и Хорватии рассматриваемый показатель снизился на 5%, в Венгрии и Польше – на 9%, в Болгарии – на 12%, в Словении – на 14%, в Румынии – на 16%, в Словакии – на 20%. Снятие ограничений способствовало нормализации ситуации уже в 3 кв. 2020 г., однако к началу 2021 г. лишь в Польше и Венгрии число фактически отработанных часов превышало уровень 2016 г., выбранный Eurostat в качестве бенчмарка (в Чешской Республике, Румынии и Хорватии этот показатель был на 8% ниже) (см. рис. 6).

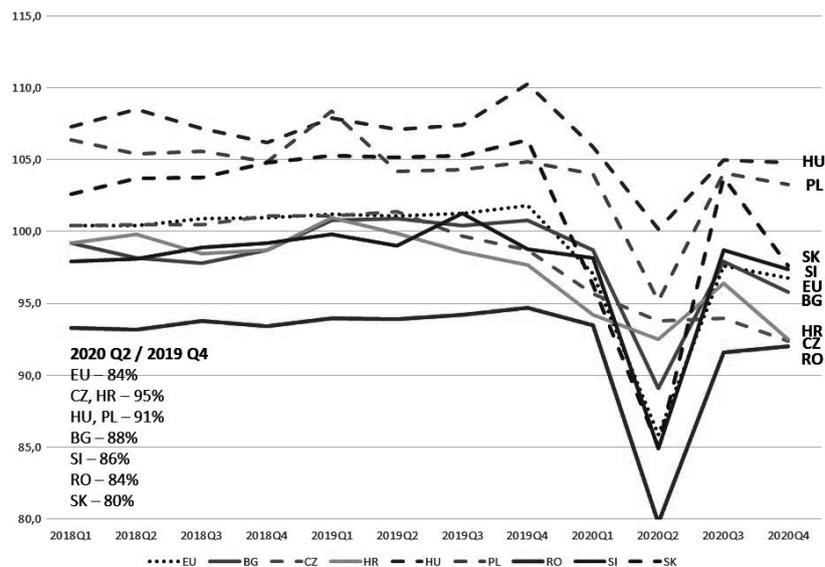

Рис. 6. Динамика фактического количества отработанных часов на основном рабочем месте в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2018–2020 гг. (2006 г. = 100%).
Источник: составлено авторами по: [14].

Реакция промышленности и сферы услуг на ухудшение условий функционирования предприятий, связанное с пандемией, была принципиально разной. Рассматривая динамику производства товаров и услуг во вторичном и третичном секторах экономики стран Вишеградской группы и Румынии, являющихся лидерами в регионе по абсолютным показателям хозяйственной деятельности, можно сделать вывод о более резком сокращении оборота и более скоротечном «проблемном этапе» для промышленных предприятий по сравнению с сервисными (см. рис. 7). Данный феномен был связан с различиями в «каналах влияния» сложившейся ситуации на промышленные и сервисные компании. Примечательно, что восстановление объемов про-

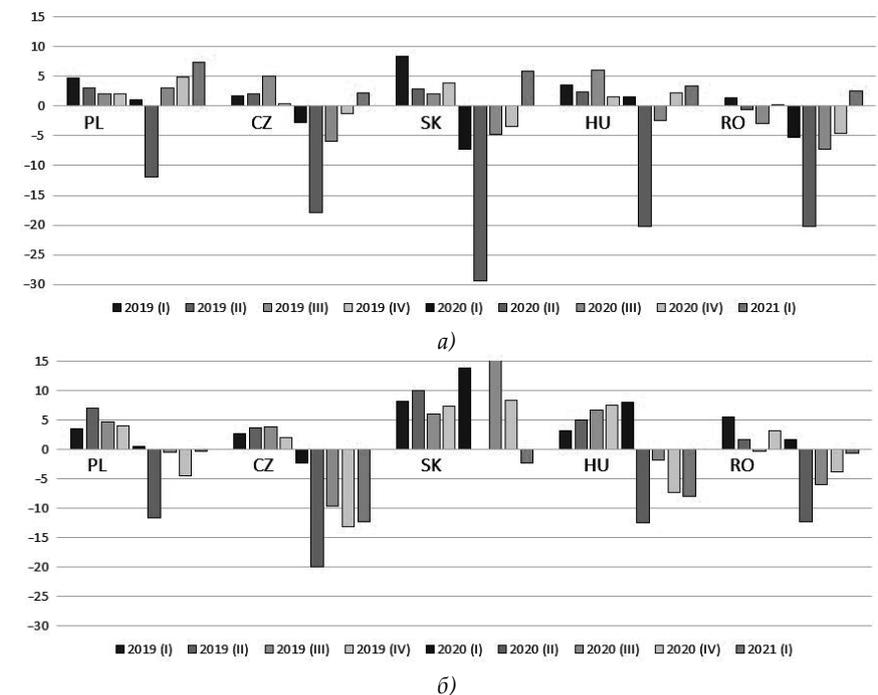

Рис. 7. Динамика производства товаров и услуг во вторичном и третичном секторах экономики в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2019–1 кв. 2021 гг. (% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года): а) данные по промышленности; б) обобщенные данные по торговле, транспорту, гостиничному и ресторанному бизнесу.
Источник: составлено авторами по: [7; 17; 27; 28; 34].

мышленного производства в конце 2020 – начале 2021 гг., как правило, не сопровождалось повышением показателей занятости, которая продолжала сокращаться (см. рис. 5 и 7). Разнонаправленность этих трендов в краткосрочной перспективе будет положительно сказываться на производительности труда.

Выводы

В результате анализа ряда проблем влияния пандемии COVID-19 на экономику стран ЦВЕ и ЮВЕ можно сделать следующие обобщения.

- Сравнительно благоприятная макроэкономическая ситуация в большинстве стран региона, сложившаяся накануне кризиса 2020 г., позволила минимизировать его продолжительность и глубину.
- Наибольшие сложности в связи с локдауном возникли у предприятий «контактных» отраслей, вынужденно приостановивших свою работу, а также у компаний с высоким уровнем зависимости от внешних рынков и вовлеченности в трансграничные производственные цепочки.

- Основные меры поддержки нефинансовых компаний, разработанные правительствами государств ЦВЕ и ЮВЕ, были во многом схожи; в их числе – гранты, льготные кредиты, гарантии по кредитам, субсидии на зарплату и налоговые послабления. Общий объем дополнительных бюджетных расходов и недополученных доходов варьировался в 2020 г. от 3% (в Болгарии) до 20% ВВП (в Чешской Республике). Словения и Польша находятся в числе лидеров в ЕС по относительному объему прямых бюджетных расходов на борьбу с последствиями пандемии.
- Реализация антикризисных мер отрицательно повлияла на сбалансированность государственных финансов: во многих странах региона дефицит бюджета в 2020 г. достиг 7–9% к ВВП. Вынужденные заимствования привели к повышению объема госдолга в среднем на $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{4}$, однако относительный его уровень остается весьма небольшим (за исключением Хорватии, Словении и Венгрии, где он превысил 80% ВВП).
- Финансовая поддержка восточноевропейских стран – членов Евросоюза в период пандемии будет осуществляться в рамках реализации Многолетнего финансового плана ЕС в 2021–2027 гг. и из средств Механизма восстановления и повышения устойчивости (в составе фонда «Будущее поколение ЕС»). В структуре грантов второго источника доля государств региона может превысить $\frac{1}{5}$, хотя их вклад в экономику ЕС вдвое ниже. Помощь из Брюсселя будет весьма кстати: к примеру, Хорватия, Болгария и Словакия лидируют в ЕС по показателю отношения объема выделяемых грантов к ВВП.
- Характерными особенностями экономического спада в странах региона в 2021 г. является его меньшая по сравнению с Западной и Южной Европой глубина (исключения – Черногория и Хорватия) и инерционность в распространении кризисных явлений, а также более высокие относительно расходов домохозяйств темпы снижения расходов на валовое накопление основного капитала. Промышленные предприятия в целом испытали более резкое сокращение оборота, нежели сервисные, однако продолжительность «проблемного этапа» для них оказалась меньшей.
- Уровень напряженности на рынках труда находится в прямой зависимости от роли в экономике «контактных» сервисных отраслей и в обратной – промышленных производств. Рост уровня безработицы оказался умеренным, и в большинстве стран региона, не зависящих от туризма и связанных с ним услуг, наметились тенденции к увеличению занятости. В то же время лишь в Польше и Венгрии число фактически отработанных часов превысило к началу 2021 г. показатели пятилетней давности.

- В 2021 г. в странах ЦВЕ и ЮВЕ прогнозируется экономический рост в диапазоне от 4,5 до 7,5%. Расширение внутреннего потребления за счет стимулирующих мер и эффекта отложенных расходов – ключевой фактор выхода из кризиса как в странах с высоким, так и с низким уровнем внешнеэкономической открытости. Восстановление спроса на рынках государств-партнеров после резкого, но краткосрочного сокращения в 2020 г. обеспечивает поступательное наращивание объемов экспорта. Возвращению к докризисному уровню инвестиций в основной капитал будет способствовать освоение средств общеевропейского бюджета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национален план на Република България за готовност при пандемия. Министерски Съвет на Република България. 03.12.2020. <https://coronavirus.bg/bg/1053> (дата обращения: 10.07.2021).
2. Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы. Вып. 42. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
3. Уредба о условима и критеријумима усклађености државне помоћи ради отклањања озбиљног поремећаја у привреди проузрокованог епидемијом заразне болести COVID-19 // Службени гласник РС. № 17 (26.02.2021).
4. Уредба о утврђивању Програма финансијске подршке привредним субјектима за одржавање ликвидности и обртна средства у отежаним економским условима услед пандемије COVID-19 изазване вирусом SARS-CoV-2 // Службени гласник РС. № 57 (16.04.2020).
5. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2021).
6. Bruegel datasets. European Union countries' recovery and resilience plans. 14.07.2021. <https://www.bruegel.org/publications/datasets/european-union-countries-recovery-and-resilience-plans> (дата обращения: 02.08.2021).
7. Český statistický úřad. <https://www.czso.cz/csu/czso/domov> (дата обращения: 20.06.2021).
8. Debt Sustainability Monitor 2020. European Commission, February 2021. https://ec.europa.eu/info/publications/debt-sustainability-monitor-2020_en (дата обращения: 12.07.2021).
9. Enterprise Surveys. COVID-19: Impact on Firms. The World Bank, 2020. <https://www.enterprisesurveys.org/en/covid-19> (дата обращения: 14.07.2021).
10. European Commission. Communication from the Commission: A New Industrial Strategy for Europe. 10.03.2020. COM(2020) 102. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0102> (дата обращения: 20.07.2021).
11. European Commission. EU spending and revenue. https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/long-term-eu-budget/2014-2020/spending-and-revenue_en (дата обращения: 27.07.2021).
12. European Commission. State aid cases – Slovakia. https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/state-aid-cases/slovakia_en (дата обращения: 07.07.2021).

13. European Commission. State aid cases Slovenia. https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/state-aid-cases/slovenia_en (дата обращения: 07.07.2021).
14. Eurostat. <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 15.06.2021).
15. Fana M., Tolan S., et al. The COVID confinement measures and EU labour markets. Technical report by the Joint Research Centre (JRC), European Union, 2020.
16. Fiscal Monitor: Policies for the Recovery. IMF, October 2020. <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor> (дата обращения: 05.07.2021).
17. Główny Urząd Statystyczny. <https://stat.gov.pl> (дата обращения: 20.06.2021).
18. Government of the Czech Republic. Measures adopted by the Czech Government against the coronavirus. 12.07.2021. <https://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/measures-adopted-by-the-czech-government-against-coronavirus-180545/#economic> (дата обращения: 25.07.2021).
19. Government of the Republic of Croatia. Set of measures adopted to prop up economy during COVID-19 epidemic. 17.03.2020. <https://vlada.gov.hr/news/set-of-measures-adopted-to-prop-up-economy-during-covid-19-epidemic/29024> (дата обращения: 24.07.2021).
20. IMF Country Report No. 21/132. Republic of Serbia. June 2021.
21. IMF Country Report No. 21/133. Slovak Republic. June 2021.
22. IMF Country Report No. 21/135. Hungary. June 2021.
23. IMF Country Report No. 21/27. Bulgaria. February 2021.
24. IMF Country Report No. 21/35. Republic of Poland. February 2021.
25. IMF Country Report No. 21/43. Bosnia and Herzegovina. February 2021.
26. IMF Country Report No. 21/94. Republic of Slovenia. May 2021.
27. Institutul Național de Statistică. <https://insse.ro> (дата обращения: 20.06.2021).
28. Központi Statisztikai Hivatal. <https://www.ksh.hu> (дата обращения: 20.06.2021).
29. KPMG Insights. Government and institution measures in response to COVID-19. Bulgaria, Croatia, Czech Republic, Hungary, Poland, Romania, Serbia, Slovakia, Slovenia. <https://home.kpmg/xx/en/home/insights.html> (дата обращения: 05.07.2021).
30. OECD Economic Surveys: Czech Republic 2020. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-czech-republic_19990561 (дата обращения: 07.07.2021).
31. OECD Economic Surveys: Poland 2020. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-poland-2020_0e32d909-en (дата обращения: 07.07.2021).
32. Reiningger T. The EU Budgetary Package 2021 to 2027 Almost Finalised: An Assessment. WIIW Policy Notes and Reports 45, February 2021. <https://wiiw.ac.at/the-eu-budgetary-package-2021-to-2027-almost-finalised-an-assessment-dlp-5627.pdf> (дата обращения: 15.07.2021).
33. Sanchez D. G., et al. Which jobs are most vulnerable to COVID-19? What an analysis of the European Union reveals. World Bank Research and Policy Briefs. 2020. May 11. No. 34.
34. Štatistický úrad Slovenskej republiky. <https://slovak.statistics.sk> (дата обращения: 20.06.2021).
35. de Vet J.M. et al. Impacts of the COVID-19 pandemic on EU industries. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament, March 2021.

REFERENCES

1. National plan of the Republic of Bulgaria for pandemic preparedness. Council of Ministers of the Republic of Bulgaria. 03.12.2020. <https://coronavirus.bg/bg/1053> (accessed 10.07.2021). (In Bulgarian).
2. Russian economy in 2020. Trends and prospects. Issue 42. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy, 2021. (In Russ.).
3. Decree on the conditions and criteria for compliance with state aid in order to eliminate a serious disturbance in the economy caused by the epidemic of the infectious disease COVID-19 // Official Gazette of RS. № 17 (26.02.2021). (In Serbian).
4. Decree on the establishment of the Program of financial support to economic entities for maintaining liquidity and working capital in difficult economic conditions due to the COVID-19 pandemic caused by the SARS-CoV-2 virus // Official Gazette of RS. № 57 (16.04.2020). (In Serbian).
5. The Federal State Statistics Service. <https://rosstat.gov.ru>. (Accessed 15.06.2021). (In Russ.).
6. Bruegel datasets. European Union countries' recovery and resilience plans. 14.07.2021. <https://www.bruegel.org/publications/datasets/european-union-countries-recovery-and-resilience-plans> (accessed 02.08.2021).
7. Český statistický úřad. <https://www.czso.cz/csu/czso/domov> (accessed 20.06.2021).
8. Debt Sustainability Monitor 2020. European Commission, February 2021. https://ec.europa.eu/info/publications/debt-sustainability-monitor-2020_en (accessed 12.07.2021).
9. Enterprise Surveys. COVID-19: Impact on Firms. The World Bank, 2020. <https://www.enterprisesurveys.org/en/covid-19> (accessed 14.07.2021).
10. European Commission. Communication from the Commission: A New Industrial Strategy for Europe. 10.03.2020. COM(2020) 102. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0102> (accessed 20.07.2021).
11. European Commission. EU spending and revenue. https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/long-term-eu-budget/2014-2020/spending-and-revenue_en (accessed 27.07.2021).
12. European Commission. State aid cases – Slovakia. https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/state-aid-cases/slovakia_en (accessed 07.07.2021).
13. European Commission. State aid cases – Slovenia. https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/state-aid-cases/slovenia_en (accessed 07.07.2021).
14. Eurostat. <https://ec.europa.eu/eurostat> (accessed 15.06.2021).
15. Fana M., Tolan S., et al. The COVID confinement measures and EU labour markets. Technical report by the Joint Research Centre (JRC), European Union, 2020.
16. Fiscal Monitor: Policies for the Recovery. IMF, October 2020. <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor> (accessed 05.07.2021).
17. Główny Urząd Statystyczny. <https://stat.gov.pl> (accessed 20.06.2021).
18. Government of the Czech Republic. Measures adopted by the Czech Government against the coronavirus. 12.07.2021. <https://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/measures-adopted-by-the-czech-government-against-coronavirus-180545/#economic> (accessed 25.07.2021).

19. Government of the Republic of Croatia. Set of measures adopted to prop up economy during COVID-19 epidemic. 17.03.2020. <https://vlada.gov.hr/news/set-of-measures-adopted-to-prop-up-economy-during-covid-19-epidemic/29024> (accessed 24.07.2021).
20. IMF Country Report No. 21/132. Republic of Serbia. June 2021.
21. IMF Country Report No. 21/133. Slovak Republic. June 2021.
22. IMF Country Report No. 21/135. Hungary. June 2021.
23. IMF Country Report No. 21/27. Bulgaria. February 2021.
24. IMF Country Report No. 21/35. Republic of Poland. February 2021.
25. IMF Country Report No. 21/43. Bosnia and Herzegovina. February 2021.
26. IMF Country Report No. 21/94. Republic of Slovenia. May 2021.
27. Institutul Național de Statistică. <https://insse.ro> (accessed 20.06.2021).
28. Központi Statisztikai Hivatal. <https://www.ksh.hu> (accessed 20.06.2021).
29. KPMG Insights. Government and institution measures in response to COVID-19. Bulgaria, Croatia, Czech Republic, Hungary, Poland, Romania, Serbia, Slovakia, Slovenia. <https://home.kpmg/xx/en/home/insights.html> (accessed 05.07.2021).
30. OECD Economic Surveys: Czech Republic 2020. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-czech-republic_19990561 (accessed 07.07.2021).
31. OECD Economic Surveys: Poland 2020. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-poland-2020_0e32d909-en (accessed 07.07.2021).
32. Reiningger T. The EU Budgetary Package 2021 to 2027 Almost Finalised: An Assessment. WIIW Policy Notes and Reports 45, February 2021. <https://wiiw.ac.at/the-eu-budgetary-package-2021-to-2027-almost-finalised-an-assessment-dlp-5627.pdf> (accessed 15.07.2021).
33. Sanchez D.G., et al. Which jobs are most vulnerable to COVID-19? What an analysis of the European Union reveals. World Bank Research and Policy Briefs. 2020. May 11. No. 34.
34. Štatistický úrad Slovenskej republiky. <https://slovak.statistics.sk> (accessed 20.06.2021).
35. de Vet, J.M., et al. Impacts of the COVID-19 pandemic on EU industries. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament. March 2021.

ABOUT THE AUTHORS

Lobanov Mikhail Mikhaylovich – Candidate of Geographical Sciences, Leading Scientific Associate of the Center for Eastern European Studies, Deputy Director for Research of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Moscow School of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
m.m.lobanov@yandex.ru

Zvezdanović Lobanova Jelena – PhD in Economics, Scientific Associate, Center for Economic Research, Institute of Social Sciences, Belgrade, Republic of Serbia
jzvezdanovic@idn.org.rs

REQUEST STOP: ECONOMIES OF CENTRAL-EASTERN AND SOUTH-EASTERN EUROPEAN COUNTRIES DURING THE PANDEMIC

The article considers the COVID-19 pandemic impact on the socio-economic development of the countries of Central-Eastern and South-Eastern Europe. The authors compare the main channels for the spread of the crisis, its depth and duration for the secondary and tertiary sectors of the economy of the above-mentioned countries which characterized by different levels of involvement in world economic relations, the competitiveness of enterprises and the maturity of labor markets. As a result of the analysis of anti-crisis measures, the additional burden on public finances is assessed. It is partially compromised by external borrowing and, in the case of some countries, by receipts from the EU budgetary system and funds. In addition, the authors focus on determining the degree of intraregional differentiation by the dynamics of GDP and employment, turnover in industry and services, gross fixed capital formation, income, savings and expenditures of the population on the basis of quarterly and monthly indicators.

Keywords: *Central-Eastern and South-Eastern Europe, European Union, COVID-19, macroeconomic indicators, industry, services, destabilization, anti-crisis measures, economic policy.*

JEL: O11, O52, O57, F43, H5.